

Научная диалектика

Предисловие

В философии у нас сложилась новая ситуация, для России все-таки еще непривычная, – *плюрализм*: рассыпалось множество всевозможных «учений» и направлений: материалисты разные, от откровенных атеистов до осторожных агностиков; скептические феноменалисты: неопозитивисты, постпозитивисты, патриоты-неоконсерваторы, энтузиасты неомодерна и разуверившиеся во всем унылые постмодернисты; спиритуалисты разных оттенков: пантеисты, деисты, теисты – до экстрасенсов, колдунов, эзотериков и приверженцев крайнего мистицизма. Боже! Каких только нет.

Однако аргументированных дискуссий между ними почти нет; к чужим отличиям терпимы, даже равнодушны – *толерантны*, а себя никому не доказывают, а просто объявляют. В большинстве настроены пока вполне миролюбиво: места под солнцем хватит для всех.

А какой прок спорить? Все равно никто из оппонентов твои доводы и критику слушать не станет. Хоть посинеет от крика. Считаешь иначе – ну и считай себе на здоровье. Каждый дудит в свою дуду. Свобода!

Впрочем, бывает и “спорят”, но не ради согласия разномыслящих, а чтобы привлечь на свою сторону зрителей, пока нейтральных. Поэтому вместо дискуссии устраивают *галдёж*: каждый кричит своё, заглушая и не слушая оппонента. А зачем его слушать? Истина же уже в моём кармане. Аргументы имеют смысл между единомышленниками, но с сомнениями по некоторым вторичным вопросам, чтобы их тоже уразуметь согласно.

А поскольку нет серьезных дискуссий, то нет и энтузиазма и решения проблем – развития идей. Да как будто бы нет и самих проблем. Или их не замечают? Воцарился философский застой. В публикациях и лекциях одни пересказы чужих мнений, нынешних и - чаще - старинных. Музей философии, ряды строгих портретов и величальных урн с бумажным прахом от сгоревших оракулов веков. Или печальный колумбарий?

И ещё бóльшая необычность нашего времени: в этой пестроте мнений почти все направления стали **научными**. Даже астрологи, экстрасенсы и колдуны. Вернее, именно оккультисты-то в первую очередь и являются миру в облике науки, от века поражая себя и обратившихся к ним своей учёностью: загадочные термины, диковинные приборы, эксперименты, рассуждения, теории, факты, доказательства, предсказания, – как будто бы

все мыслимые образы или атрибуты науки. Но, конечно, *без воспроизводимости и понимания “эксперимента” и “теории” для любого гостя.*

Теперь за ними тронулись к многоуважаемой науке и церкви разных конфессий. Давно о ней грезили – и спрос родил предложение. Возродились философствующие теологи, тем более, что их щедро пестует грантами само Минобрнауки. И новые Вл. Соловьевы и Флоренские убеждают и доказывают нам, что религия почти та же наука и пригодна для преподавания в университетах.

Правда, сами церковные предстоятели: патриархи, епископы, муфтии и еще больше практические священники – не в восторге и косятся на своих теоретиков подозрительно. Как бы не нажить себе *конкурента* и не растерять паству. Если Бога может познать наука по своей методологии, на своем оборудовании, экспериментами, формулами и теориями, то зачем тогда храмы, монахи, их подвиги и молитвы? Как бы простые рядовые прихожане не надумали просить показать им Бога в телескоп? Или посылать ему напрямую без святых посредников эсэмэски?

Одни материалисты-атеисты волнуются, опасаясь, что скоро их строем поведут на молитву или на урок научного богословия и обяжут сдавать по нему экзамен. Кого не манят лавры научного атеизма? И создают при академии высокие комиссии для отлучения от науки недостойных.

Только что проку? В суд не подашь – нет на самозванцев закона. Говорят, потому что больше нет однозначных **критериев** – для демаркации науки от ненауки. Стёрты стараниями постпозитивистов: К.Поппер, Т. Кун, И. Локатос, П. Фейерабенд и другие эпистемологические маэстро оставили нам в науке одни *лишь гипотезы* да “общепризнанное мнение научного сообщества”, – “*веру* ученых” – всего только *признанных* профессионалами, точно так же, как возводятся в сан и жрецы.

А доказанное “абсолютное” “знание” недостижимо.

Но тогда чем же “научная-то *вера*” лучше веры религиозной?

Так “основным вопросом” современной российской философии (да, пожалуй, и мировой) стали прения о критериях науки.

Поскольку содержательное понимание науки утрачено, то научность стали определять *бюрократически*, сводя к формальной “*учёности*”, соблюдению принятых в науке известных **норм** методологии и теории. Выучил, как ставить эксперимент, структурировать гипотезу и теорию, писать публикации и т.д., “овладел” формами, сдал экзамены, написал (сам или купил) некое подобие этим формам, “диссертацию”, ответил на вопросы – “защитил” – вот вам и ученый.

Конечно, при таком формализме, если нет главного – способности острого творческого мышления, неизбежна научная бесплодность умельца. И тем легче, что его успехи оцениваются не содержательным вкладом в науку, а “измеряются” столь же формально – числом публикаций и их ци-

тирования. Однако как оценивать иначе? Ведь признание научных новаций требует времени, часто немалого, если даже гений Ньютона в континентальной Европе был оценен лишь через полвека.

Разумеется, при такой ученой бюрократии легко “научообразие”: подтасовка экспериментов, анализа и выводов, – проделки *корысти*. Обычно ради научной карьеры: ученых степеней, званий и должностей, статуса, грантов и вообще финансирования. Так возникает новая необходимость – отмежевать науку не просто от “ненауки”, но еще и от *мимикрии* под науку – “лженауки” (псевдо-, квази-).

В такой ситуации не удивительно, что понятие самой имитации науки, “лженауки” теряет четкие однозначные критерии демаркации и предстает лженаучным, всего только обыденным и спорным, во всяком случае, до “консенсуса” здесь пока далеко.

Казалось бы, строгий критик способен легко различить в опусе ошибки и другие нормативные изъяны, – было бы желание, – чтобы квалифицировать его *шарлатанством*. Либо в случае добросовестности автора констатировать недостаток у него профессиональных знаний, *дилетантизм*. Однако разоблачение становится трудным, когда причина научной подделки таится в интересах *общественных*, т. е. *многих* людей и их *корпораций*, делается в угоду какой-то идеологии и тем более политической власти, – *корыстная фальсификация* исследования.

Еще труднее “разрешение” спора и “разоблачение” в случае *сложности* рассматриваемых научных проблем. Тут сплошь и рядом специалисты разных научных направлений используют слово “лженаука” просто как ярлык, чтобы клеймить им своих оппонентов – обычно комически взаимно.

Например, *квантовую теорию* в физике с самого её возникновения многие авторитетные специалисты, такие как А.Н. Уайтхед и Л.И. Мандельштам, и до современных дискуссантов относят к псевдонауке, потому что она пытается исследовать как якобы *одни и те же*, а на деле разные, **неповторимые** явления, излучения волн - частиц, чем и объясняется *вероятностный* (статистический) характер их **измерений** и странные допущения, предлагаемые для их объяснения: утрата причины (“индетерминизм”), места (координат, “нелокальность”) или времени, влияния их друг на друга (“запутанность”, “струны”), влияние приборов, непознанных “скрытых параметров” и т.п.

В первые десятилетия XX века, пожалуй, большинство ученых считало “теорию относительности” Эйнштейна лженаучной, и даже нобелевский комитет из осторожности премию ему присудил не за его нашумевшее построение, а за квантовое объяснение особенностей фотоэффекта.

Но с 1930-х гг., наоборот, к лженауке стали относить критику релятивизма, а потом, утомясь упорством критиканов и часто их низкой квалификацией, со второй половины века не нашли ничего лучше, как вообще за-

претить критику Эйнштейна в “рецензируемых” изданиях, т.е. под угрозой административных санкций ученой корпорации против зависимых от неё рецензентов.

Пожалуй, единственное, что все (вернее, и тут “*почти* все”) согласны считать **ВНЕ** науки – это допущение **сверхъестественного**: оккультизм или религиозные мифы, при любой видимости “терминов”, “доказательств” и “формул”. Бог, в науке считается, научными методами непознаваем.

Поэтому к лженауке сегодня уверенно относят магию, экстрасенсов, астрологию, хиромантию, френологию, с 17 века – алхимию. Но “факты” парапсихологии, “народной медицины”, уфологии или НЛО при допущении их проверки и естественного объяснения – уже с осторожностью удостоивают статуса “паранауки”, разных уровней: альтернативной, девиантной, неакадемической, маргинальной и т. п. величальных эпитетов.

Но и научная критика пасует перед сложными философскими концепциями потустороннего, свойственным “интеллигентным верованиям”¹.

Я не собираюсь здесь излагать свое виденье этой проблематики, а отсылаю к своему специальному достаточно обстоятельному её исследованию 1987-98 года, но опубликованному только в недавно, в 2013 г., и к предшествующим ему публикациям². Там, кратко обобщая:

– Показана полная беспомощность *неопозитивистского* принципа *верификации* “протокольных” “дескриптивных” суждений, их сверки с восприятием; впрочем, ещё в 1970-80 гг. убедительно раскритикованная не только на Западе, но и нашими философами - материалистами.

– Показана недостаточность и тем самым ошибочность остроумно предложенного К. Поппером (в качестве помощи неопозитивистам) противоположного критерия истины – принципа *фальсификации*.

Конечно, опровержимость суждения необходима, но имеет смысл только **вместе** с его противоположностью – доказательством, то есть как сторона в **противоединстве проверяемости** его практическим испытанием, а *отдельно* сама по себе она способна освящать бессмыслицы и заблуждения.

– Показана ущербность **постпозитивистской** научной контр- “революции” Т. Куна и И. Лакатоса, их заинтересованно прославленных концепций о затаившихся в фундаменте науки “парадигмах” или “исследователь-

¹ См.: **Леонард И. Браев. Сквозь лики мира.** Анализ философских оснований мистицизма. Изд. 2-е, “Стринг”, 2010. – 427 с. ISBN 978-5-91716-085-6 Изд. 1-е, М. “Молодая гвардия”, 1979. – 206 с.

² **Леонард И. Браев. Истина и наука.** Начала нецеситной колейной теории. Изд. «Салика», 2013, - 446 с. ISBN 978-5-906541-04-8; **Леонард И. Браев. Познание и очарование.** Колеи и безумства ума. Изд. «Салика», 2013, - 568 с. ISBN 978-5-906541-03-1; **Леонард И. Браев.** Сквозь лики мира. Анализ философских оснований мистицизма. Изд. «Стринг», 2 изд., 2010, - 427 с., ISBN 978-5-91716-085-6; **Леонард И. Браев. Ворота философии.** Йошкар-Ола, МарПИК. 2004, - 256 с. ISBN 5-87898-253-6.

ских программах”. Эти понятия отражают некоторые несомненные реалии в “ядре” и истории науки и их введение правдоподобно, однако поскольку достаточно *строго определенных* демаркаций им **не** дано, то, как просто-душно раструбил “анархист” П. Фейерабенд, они позволяют уравнивать с наукой любые “общепризнанные” идеологические концепции.

Такое-то “онаучивание” богословия теперь у нас – как раз с апелляцией именно к этим западным псевдо авторитетам – успешно и делают И.Т. Касавин, В.Е. Хвощев, М.О. Шахов, В.К. Шохин и. др. т. п. неотеологи, допуская действие сверхъестественного (“супранатурализма”).

Разница, как водится, остается одна: согласно позитивистам наука обращает свою “верификацию” на будущее – практические следствия испытаний, а теологи, в конечном счете, на прошлое, увы, *невозвратное*, - поэтому вместо него, остается, на “священные тексты” о нем.

– В пике позитивизму (как нео-, так и пост-) выставлена новая нецелеситная колейная теория науки. В ней доказано образование и развитие науки на объективной бытийной базе **практических фактов** и относительно **абсолютных истин**.

Что сие такое?

Факт я называю **практическим** тогда и за то, что мы его **делаем сами**, когда он не просто наблюдение (“феномен”, который, как известно, может только казаться), а нами в **действии** установленная неизменная **связь** с другим фактом (если не причина, то хотя бы зависимость), – связь, происходящая всегда или с необходимой и достаточной вероятностью.

Практические факты существуют от века, **до нас**, а **для нас** в познании лишь обнаруживаются. И человеческому **уму** принадлежит в них только **умственное**: мы даём и изменяем их понимание – интерпретацию.

Практические факты, отнесённые (привязанные) к их условиям, доступны опровержению, опровержимы, но **не опровергнуты**, а, наоборот, неизменно подтверждаемы и составляют элементы **относительно абсолютных истин**, включая признанные в науке аксиомы или законы.

Вот они-то и образуют основу науки. А выше из *исследовательских* практических фактов, методологически выверенных и измеренных, – результатов *экспериментов* и из относительно абсолютных научных истин строятся научные теории, уже различные и чаще всего дискуссионные. Впрочем, как из практических фактов “обыденного сознания” вырастают обыденные понимания.

Однако противоположность науки и религии вовсе не означает, что одна *исключает* другую *всегда*. Кому что. Каждый овощ растет в своей ситуации и служит ей, а путать их *опасно* для обоих. Та же наука – продукт и база технологии, тем не менее, тоже может направляться в ложь и вред.

Вульгарный материализм полагает, что мистицизм – сплошь фантазии - заблуждения и вред. Но фантазий хватает и в науке, и в обыденном соз-

нании, и в искусстве. Видимо, человек не может без фантазий. Не в этом различие между ними, а в направлении фантазий.

В мистицизме фантазируют *надъестественное* и *мировое духовное*, с ожиданием его угрозы и помощи, однако в качестве спасения от человеческих *бед*, вполне *реальных*. Таким образом, мистицизм тоже отражает свои объективные **причины** в **бытии**, наше экзистенциальное отношение с миром, в моем понимании, “отражает” *зависимость* человека от необходимого, но *независимого* от него и потому относительно (для) себя истинно сознаваемого *таинственным*.

Наука разъемлет мир на **практически прочное**: истину и ложь.

А мистицизм размещается в интервале **между** истиной и ложью, в третьей модальности – чрезмерно *малой вероятности*: пусть сомнение, но все же хоть какая-то надежда, а когда сползаешь в пропасть, вцепишься и в соломинку. Но для техники и технологии *такая* наука таинственного авось и случайных совпадений **не** нужна. Кто согласится лететь на самолете малой вероятности?

(Конкретнее об отношении между наукой и ненаукой см. “Сквозь лики мира”, 1.1, 1.6-11, 9.3, 10.3-9, 11.3. + “Ворота философии”, 1.5-7, 2.1-6, 5.13-17, 7.13, 8.1-13, 9.3-12, 10.1-6. + “Истина и наука” 6.2-6, 7.3, 8.1-9.)

Так что с этой проблематикой я, надеюсь, по-своему расчелся. А здесь намерен пойти дальше – применить полученные в результате критерии науки к анализу такого давно забытого у нас философского явления, как **диалектика**, – в дерзкой мечте или “проекте” – благодаря своим эпистемологическим обретениям – вышелушить из всевозможных её вариаций и трактовок и отделить от псевдо-диалектики или, как короче я ее назвал, **диалектоики** – позитивную **научную диалектику**.

Кстати, как мне кажется, она очень даже может заставить изменить наше понимание и самой научности. Так что без разрешения проблем диалектики само понимание критериев науки остается под сомнением.

Конечно, мое название книги смешно. Не то, что Гегель или Маркс, но и Гераклит и другие её темные светила, – почти *все* диалектики уверены в своей научности ≡ истинности. А иначе зачем время терять?

Притом почти каждый мнит себя, конечно, *единственно* истинным. Наконец-то, благодарное человечество осчастливлено. Так что моя ещё скромная претензия не нова, новы нецеситные критерии науки.

Не знаю, насколько критично и чисто мне удалось очиститься от **диалектоики** и соединить идеи, отвечающее научным критериям. Да и по силам ли такое свершение в одиночку, только по прошлым дискуссиям, но без будущих дискуссий? Разве что в качестве почина, первого опыта?

Это исследование «Научная диалектика» выполнено мною тогда же, к концу 1990-х годов. В нем вместе с «марксистско-ленинской диалектикой» пришлось критически пересматривать и переворачивать всю принятую у

нас историю философии, начиная с протофилософов, Гераклита, Протагора и до Спинозы, Канта, Гегеля, гегельянства, включая Маркса, Энгельса, Плеханова, Ленина, нескончаемых советских дискуссий по диалектике и западного неомарксизма XX века.

Опубликовать такую вызывающую ересь раньше, при коммунистической цензуре, не приходилось и мечтать. А в 1990-е годы и позже от этой темы меня оттеснили тогда более актуальные срочные работы по новой теории экономики, социологии, антропологии, философии физики.

Компьютеры тогда только появились, были в диковинку и труднодоступны, тем более при многомесячных задержках зарплаты, интернет лишь намечался в будущем – и рукопись была отложена в долгий ящик.

А теперь платных наборщиков не стало, и перспектива самому набирать четыре толстенных папки “*рукописи*” (в буквальном смысле слова) – оторопь берет и лень. Тем более предвидя свою всегдашнюю неудовлетворенность прежней версией текста, стало быть, неизбежную потребность его переиначиваний и дополнений. Стоит ли овчинка выделки?

Сомнений много.

Но что если в качества запала анонсировать пока одно **введение** к «Научной диалектике»? А дальше посмотрим – вспыхнет ли спрос?

Боюсь, в свое время навязываемая марксистко-ленинская «диалектика» так обрыдла обществу, что теперь мало найдется интересующихся. Но, может, я ошибаюсь? Вдруг все-таки интерес будет? Хотя бы среди научной интеллигенции, вовлеченной в разрешение *противоречий* своей физики или своей биологии, людской истории или психологии?

В самом деле, ежели диалектика научная, то почему предлагаемым инструментом не воспользоваться? И, возможно, попытаться её совершенствовать дальше? Научное же открыто критике и развитию.

* *
*

Введение

1.1. Явление диалектики

Что за странная все-таки эта теория – диалектика.

Всякий объект постоянно изменяется. Из этого она заключает, что он сразу существует и уже не существует – стал иным. А разве не так?

В антифеноменах проглядывает сродство; как обобщил Гераклит, день и ночь есть *одно и то же* [время суток – Л. Б.], добро и зло – одно и то же [важное для людей]. И т. д. Но они же также и различны, не то же. Таким образом, противоположности есть сразу и то же самое, и не то же самое, то есть **противоречие**.

Но все в мире изменяется, всюду противоположности. Выходит, все в мире исполнено противоречий: есть сразу то же и не то, и есть и нет. А разве не так?

Но тогда какое же суждение о вещи будет истинным: сказать о ней **да** или сказать **нет**? Или сразу оба истинны? Как это понять? И тогда вообще возможна ли истина? Или оба сразу ложны?

А если все противоречиво, то как совместить диалектику с **логикой**, в которой противоречие есть абсурд и запрещено специальным законом? А как мыслить без логики? Человечеству вовсе отказаться от ума?

Или мыслить по противоречивой “*диалектической логике*”? Что она такое?

И еще страшнее: как диалектику совместить с **практикой**: если каждый объект сразу есть и нет, есть то же самое и не то же самое, то что же нам, несчастным, с ним **делать**? Как одновременно хлеб кушать и не кушать? Деньги брать и не брать? Революцию совершать и не совершать? Поскольку они и есть, и нет? Когда тебя грабят, что кричать: «Караул!» или «Ура!»? Или и то, и другое сразу?

Противоречием называют *идеи и высказывания* о чем-то сразу утверждения и его отрицания. Но как “*утверждения*”, “*отрицания*”, “*противоречия*”, то есть *мысли* и *речи* могут быть в **природе**, не думающей и безъязыкой? Что такое “*противоположность*”, “*тезис*”, “*антитезис*”, их “*борьба*”, “*переход*” в физике или химии? Что это? Всего лишь метафоры? Уподобление мира человеку – *антропоморфизм*? Или даже *идеоморфизм*? Или природа все же *мыслит*? Выходит, по диалектике в мире есть Разум или Дух? Спиритуалисты Гераклит и Гегель так и считали. Им-то легко.

Но как это понимали *материалисты* Маркс и Энгельс? Или слова “*утверждение*”, “*отрицание*”, “*противоречие*” и т.д. имеют в *материалистической* диалектике корифеев еще какой-то *иной смысл*, не мысли? Но какой?

Может ли диалектика быть материалистической?

Если «отрицание отрицания» является *всеобщим законом* мира и означает возврат к «утверждению», а, к примеру, человеческая цивилизация является «отрицанием» дикой природы, то что же будет «отрицанием» цивилизации? Дикая природа? Что же нам пророчит этот закон? Гибель человечества? А нынешние пустыни на планете – не предвестники ли они, не первые ли пятна гибели земной жизни?

Согласитесь, такие размышлизмы какие-то неуютные и тревожные.

А для нынешних “научных” *неотеологов* открывается неожиданное: их “*научность*” и “*толерантность*”, оказывается, суть всего лишь другое имя старой - престарой диалектики. Для ума, пожалуйста, “диалектическое противоречие”: “Бог есть” и “Бога нет” – оба суждения равно непознаваемы или оба сразу научны \equiv *вероятно* истинны. Для практики сразу *несовместное*: при нападении бандитов, кричи “Караул!” и сразу “Ура!”. И религия, и наука, и Вл. Соловьев, и К. Поппер – “все права по своему”.

Едва ли это открытие внутри “научных” *неотеологов* окаянной “диалектики” *приятно* для религии, да и для науки и её эпистемологии.

Слово «диалектика» происходит от того же греческого корня, что и слово «диалог» – беседа: $\delta\iota\lambda\epsilon\kappa\tau\iota\kappa\alpha$ – рассуждать, спорить. В первоначальном сократовском смысле диалектика – это метод нахождения истины в споре, искусство диспута, постановки вопросов и поиска ответов, эристика, испытание, проверка идеи на опровержение, – как раз то, что объявлено современным фундаментальным принципом познания в науке.

Уже у Платона и стоиков диалектика стала учением о методах спора, а затем и о самой изменчивости, связях и противоречивости мира, а в некоторых вариациях – также и о развитии, как о «споре мира» с самим собой.

Что касается изменчивости и связи вещей, то сомневающимся в них мало. Хотя каковы эти изменения и связи? Прерывны или слитны? Абсолютны или относительны? Противоречивы или непротиворечивы? Непременны или случайны? Тут сразу вспыхивают разногласия.

Но *развитие* **не** обязательный тезис диалектики; бывают учения, считающиеся диалектическими, которые ограничиваются признанием лишь изменений вещей или их циклов, а существуют такие теории развития, которые **не** выделяют в нем противоречий и не относятся к диалектике.

Таким образом, сущностным отличием и преткновением диалектики является *противоречие*. Иногда её даже именуют “логикой противоречий”.

Антипод диалектики Гегель окрестил словом, являющимся синонимом вообще философии – “*метафизикой*”, так как в гегелевское время в философии было распространено антидиалектическое мировоззрение.

Термин “метафизика” для обозначения философии ввел в I в. до н.э. систематизатор Аристотеля Андроник Родосский – как название для книг

учителя, которые следовали *после* (мета) его “физики” (буквально – природа): “*ta biblia ta tema ta phisika*”. В понимании тогдашних комментаторов они представляют собой умозрение о том, что пребывает не только после природы, но и по ту сторону природы, потустороннее.

Но поскольку за пределами гегельянства, в который часто включают и марксизм, под словом “метафизика” подразумевают просто философию или её онтологию, то его использование в смысле антидиалектики создает путаницу и необходимость каждый раз особых поясняющих оговорок: “метафизика в гегельянском и марксистском смысле”. Поэтому для антидиалектического мировоззрения я предпочитаю из антонима диалога – слова “*монолог*” образовать неологизм – монолектика.

Вопрос о диалектике всегда был одним из центральных в философии. Сколько только в наше время известно разновидностей “диалектики”: помимо наиболее влиятельных гегельянской Гегеля, Дж. МакТаггарта, И. А. Ильина, Б. Кроче, Г. Болланда и марксистской К. Маркса, Ф. Энгельса, Г.В. Плеханова, В. И. Ленина, Э.В. Ильенкова, умы привлекают экзистенциалистская С. Кьеркегора, Л. Шестова, Н. А. Бердяева, К. Ясперса, Ж.П. Сартра, М. Хайдеггера, А. Камю, “трагическая” А. Либерта, “критическая” Й. Кона, “антиномическая” Т. Фюрстенберга, “теологическая” К. Барта, Э. Бруннера, П. Тиллиха, неомарксистская “негативная” Т. Адорно, М. Хоркхаймера, Г. Маркузе, “парадоксальная” Э. Фромма и много - много других.

В периоды мировоззренческих кризисов, “духовной жажды” споры вокруг диалектики неизменно обостряются и распространяются на общество. В декабре 1961 г. устроенный в парижском зале Мютюалите диспут между Ж. П. Сартром и Ж. Ипполитом, с одной стороны, и Ж. П. Вижье, Р. Гароди и Ж. Орседем, с другой, о *диалектике природы* собрал более шести тысяч человек! – словно какое-нибудь спортивное соревнование.

Среди современных ученых демонстративным обращением к теории диалектики известны в США генетик Р.Ч. Левонтин и биолог, популярный популяризатор неodarвинизма С.Ж. Гулд, во Франции – в ядерной физике Ж.М. Бром, в математике и теоретической механике Э. Санчес-Паленсиа (2012), в Бельгии - нобелевский лауреат, химик И.Р. Пригожин и физик-теоретик Г. Хакен, с их парадигмой синергетики (для диссипативных структур, их саморазвития), слишком схожей с идеями диалектики, чтобы обойтись без её косвенного влияния.

Но в нынешней России и в Германии я с удивлением не мог вспомнить ни одного известного натуралиста или гуманитария, кто бы неявно обращался или открыто апеллировал к диалектике. Хотя в 1920-е годы да и десятилетия позже таких ученых здесь было не так уж мало как среди физиков, так и среди лириков. Несмотря на то, что в философии в этих странах до сих пор публикуются постмарксистские диалектики. Но, может быть, просто я недостаточно сведущ? Проверил в Интернете – ни Гугл, ни Ян-

декс не нашли ни одного имени. В самом деле, пустыня. Но почему?

Остается одна причина – дискредитация. Интерес к диалектике вытоптало тоталитарное принуждение к её схоластическому подобию в «диалектическом материализме». А ведь еще великий Лао-Цзы предупреждал, что чрезмерное идеологическое усердие приводит к обратному эффекту. Не внимали казенные диалектоики своему мудрому корифею.

В коммунистических странах к официальной марксистско-ленинской диалектике установилась скептическая неприязнь, хотя в условиях идеологической диктатуры этому неверию было трудно открыто выразиться в печати. Но оно все же проявлялось в нескончаемых дискуссиях вокруг едва ли не всех марксистско-ленинских положений о диалектике: от вопроса о её объективности или субъективности, смысле и универсальности “отрицания отрицания” и до содержания “диалектического противоречия”, его роли в развитии и соотношении с логикой.

Многие западные авторы: от неотомистов В. Блоха, И.М. Бохенского, Г. Веттера и до неомарксистов Г. Петровича, М. Марковича и других сотрудников югославского журнала “Praxis” – десятилетиями критиковали “марксистско-ленинскую диалектику”; но из рядов её сановных адептов почему-то никто не поднимал перчатку, никакой аргументированной дискуссии. Только строжайшие запреты враждебных изданий или “разоблачения” в них антимарксизма с бранью по их адресу – будто кто-то скрывал этот антимарксизм, – но со старательным обходом доводов оппонентов. Разве такая безответность – не свидетельство слабости собственной позиции или тайного согласия с критикой?

Многие же под видом “разоблачения” критиков диалектики проводили просто ознакомление с ними с едва замаскированным сочувствием.

С наступлением же идеологической либерализации 1985 года сомнения в гегелевской и марксистской диалектике и призывы к её пересмотру, обновлению или даже отказу от неё, разумеется, вырвались и в печать, хотя в этом освободительном рвении, мне кажется, вместе с грязной водой часто готовы выплеснуть и ребенка.

Пример серьезного обращения к диалектике некоторых западных ученых, не знавших такого глупого принуждения, а на первых порах и некоторых советских, показывает, что в диалектике, вероятно, всё же содержится нечто, достойное селекции, сохранения и развития.

1.2. Проблема абсурда

Уже в золотой Античности тёмный Гераклит с детским восторгом поражал умы изменчивостью вещей: «На входящего в воду текут все новые воды». Поэтому «в одну и ту же реку мы входим и не входим...» (с. 42, 45). А раз все меняется, «все течет», то все сразу существует и не существует, сразу то и не то. (См. здесь 1.1). Таким начиналось открытие диалектики.

Но если это так, то, – пошли дальше Кратил и Протагор, – всякое утверждение истинно (А), и всякое ложно $\neg A$. Иначе говоря, *сразу все правы* (Аристотель, т.1, с.124 - 126, 130- 131, 137).

Из истинности противоречия $A \wedge \neg A$, как сформулировал это средневековый логик XV века Д. Скот, следует “*что угодно*”, любое суждение, даже ложь (L), например, что $2 \times 2 = 5$.

На языке алгебраической логики ход его рассуждения можно представить (не корректно) так:

$$A \wedge \neg A \vdash A \vdash (A \vee L) \\ \text{–”–”} \vdash \neg A \vdash \neg A \wedge (A \vee L) \vdash L.$$

Такое воззрение, возведение изменчивости в *абсолют*, в *полное* нетождество самому себе, в *неопределенность*, размытость вещей, а на этом основании провозглашение *равнозначности любых* мнений – кто только не возвещал его с тех античных пор человечеству. Оно представлено в софизме, скептицизме, муталитизме, иррационализме, плюрализме, конвенционализме и множестве других философствований, прошло многовековую эволюцию, с XX века обычно именуется *релятивизмом*, и, пожалуй, даже доминирует в современной мировой философии.

Разумеется, у этого превознесения текучести мира тогда же нашлись оппоненты. Два с половиной тысячелетия назад жившие на побережье нынешней Сицилии, в Элее, “элейцы” Парменид и Зенон еще ярче выставили на вид ту же логическую *противоречивость* движения и пространственного деления, но получили из неё уже *обратный вывод* – *невозможность* движения.

Если допустить, что пространство делимо *бесконечно*, то в таком мире путник не сможет даже тронуться с места, потому, что прежде чем пройти весь свой путь, ему надо пройти его половину, но еще раньше - половину этой половины и т. д., или на математическом языке такое бесконечное деление пополам (“дихотомия”) записывается

$$\frac{1}{2} + \frac{1}{2^2} + \frac{1}{2^3} \dots, \quad \text{или} \quad \sum_{n=1}^{\infty} \frac{1}{2^n} \neq 1$$

В современном математическом анализе предел (*lim*) суммы этого сходящегося ряда *принят* равным 1. Но Зенон исходит из обратного допущения – *постулата*: целая единица 1 не достижима, поскольку деление принято *бесконечным*.

Однако и при обратном допущении, если положить деление пространства *конечным*, движение тоже невозможно, потому что тогда движущееся тело, к примеру, стрела находится либо в какой-то одной точке, либо в соседней, но наступает ступень, когда из-за дальнейшей неделимости пространства она не может быть *между* ними. А нахождение в точке не есть движение, ибо точка нульмерна. Но если нет движения в точке, то нет его и на отрезке.

Получается: что при одном допущении, что при обратном – изменение – движение только кажется, а сущность вещей неизменна.

С той поры зеноновых *анорий* (буквально “беспутий”) вся философия развивается в борьбе противоположных утверждений: мир конечен и мир бесконечен, делим и неделим, все движется – изменчиво и движение иллюзорно, а сущность вещей неизменна, всё относительно и всё абсолютно, все непременно и все случайно и т. д. Притом, как ни обидно, оба из противоположных мнений, как видим, основательны.

Специалисты же легко узнают в этих философских обсуждениях фундаментальные проблемы теории математики, логики, физики, биологии, генетики и других своих специальных наук.

Как же быть с такими противоречиями?

Диалектика предстала истории как возведение противоречия в закон мышления и мира.

Не один Тертуллиан, но вся европейская теология была помешана на страшной *тайне* и волшебстве «совпадения противоположностей» (*mysterium tremendum et fascinans*). На Востоке даосские почитатели Лао-Цзы и адепты буддийских монастырей добивались «просветления» с помощью многомесячных раздумий над *глубокомысленными бессмыслицами*, как их называли в Японии в религии дзэн, коанами. «Диалектика Да и Нет» (“*Sic et Non*”) П. Абеляра в своем напряженном анализе сущностей поражала его современников демонстрацией возможности противоположного толкования всего, включая святые догмы. Даже на заре Нового времени эта *coincidentia oppositorum* питает вдохновение тогдашних властителей дум Я. Беме, Николая Кузанского, Дж. Бруно.

Гегель сущностью мира положил противоречия *идеальные*, К. Маркс и Ф. Энгельс такими положили противоречия *материальные* объективные, а диалектику мысли – её отражением. Но все они отвергающую противоречия формальную логику считают «низшей ступенью» мышления.

Однако положение диалектики об истинности каких-то противоречий расходится с убеждением научного сообщества о нежелательности противоречий – как проявлений непоследовательности мышления.

В логике противоречие бранят нехорошими словами: нелепость, абсурд, возникающий в результате ошибки, нарушения фундаментального логического закона: тождества в умозаключении самому себе понятия или суждения $A \equiv A$, откуда и следует “закон непротиворечия”, то есть запрет противоречия: $\neg(A \wedge \neg A)$. Нельзя сказать: «Студент Иванов здесь на лекции и не здесь». «Продавец взвесил один килограмм и не один килограмм».

В алогизме обвиняют диалектику всегда. Как в древности – Парменид, Зенон, Аристотель (т. 1, с. 124 -126, 157-169, 280-281). Так и ныне – как либералы В. Беккер (S. 211) или К. Поппер (1995, с. 123-127), так и махист Я. Бермен (с.164, 77, 88), позитивист А.Дж. Айер (с.98-99) и даже иррационалист Э. Гартман (S.39, 43 – 44), и томисты Ф.А. Тренделенбург (т.2, с.106, 49, 58) и Г. Веттер (S. 420-421).

Как показывает современный анализ (см. «Элементарная логика», 2004, 3.23 -24, 5.9 -12), комбинаций отношений между двумя суждениями

по их истинности - ложности – “законов” в двузначной логике вовсе не три: тождества, непротиворечия и исключенного третьего, - как думали Аристотель – Лейбниц, – а восемь, а с производными от них – еще больше. Почему же тогда из всех форм мышления первыми были выделены именно эти три?

Как теперь известно, они **не** являются самыми простыми. Значит, их выделили не за элементарность.

Объяснение дает исторический подход. Аристотелевская логика создавалась как пособие в споре – доказательстве и опровержении – и её законы тождества и непротиворечия были реакцией на Гераклита, Горгия, Протагора и других софистов, были выдвинуты в качестве основных *отличий логики от диалектики*. В этом и был их исторический исток и смысл.

С тех пор и донныне монолектики и выставляют логические законы против фантома диалектики в качестве основы обвинений её в абсурдности. Они видят в её поборниках либо намеренных мошенников - софистов, либо бессознательных сумасшедших, которые абсурд принимают за премудрость. Диалектика – оправдание *авантюризма*. С диалектикой – смеётся практичность – человек не сможет жить, потому что он пойдет над пропастью по тоненькой жердочке или тоненькому льду, ободряясь мыслью:

– А-а, провалиться – значит в то же время не провалиться.

Они уличают диалектиков в “двойном мышлении”, посредством которого они изворачиваются и до времени спасаются от провала. Для практики, “узкой обыденности” у них принята низкая логика, “рассудок”, а для своей великой теории и великих замыслов – высокая диалектика, – “разум”.

Но ведь и диалектика выводит противоречие как раз из *изменения вещей*, отчего вещь сразу и та, и не та.

Вот и студент Иванов из-за транспорта опоздал на лекцию и теперь стоит в коридоре, слушая её через приоткрытую дверь. Так Иванов здесь или не здесь? Весы у продавца неточны, поэтому он взвесил как будто бы один килограмм, но и далеко не точно один килограмм.

Но что говорить о торговле, когда абсолютной точности не дают даже измерительные приборы экспериментаторов – и у физиков получатся: микрочастица и здесь и не здесь, и та, и не та. Вся квантовая механика уже второе столетие стонет от этих “безумий” Н. Бора.

Так кто же прав? Исходящий из мысленных *идеализаций* реальности формалист – логик или трезвый реалист – диалектик?

Или все же правы *оба* – как логика, так и диалектика? Так что даже и между ними самими получается противоречие, притом сразу и логическое, и диалектическое?

Но, тем не менее, нам нужны обе: и логика, и диалектика? Но если они отрицают одна другую, как же принять их **сразу обе** – совместить **несовместимое**?

Есть ли разрешение их окаянного противоречия? Где оно?

1.3. Можно ли очиститься от противоречия?

Однако как же освободить мысль от Гераклитова проклятия – противоречия?

Ревнителю логики – монолектики давно бьются над этой сладкой мечтой и кое-что придумали.

1.3.1. Первый испытанный способ избавления от противоречия дала идея отбросить одну из противоположностей. Пусть одни категории всегда будут, а другие, их антонимы всегда не будут. Например, оставить один покой и неперменность, а движение и случайность объявить кажущимися.

Конечно, такое освобождение от противоречия посредством избавления от половины категорий обходиться дороговато.

Но тут возникает еще одна незадача: от какой половины отказаться? Ведь есть еще и такие философы, которые, наоборот, оставляют движение и случайность, а отбрасывают покой и неперменность – как иллюзии.

Но беда еще злее: оставшиеся категории без своих антагонистов обесмысливаются. Ну, что, в самом деле, значит движение, если нет покоя? И наоборот, какой смысл в слове покой, если нет движения?

1.3.2. Другой способ очищения от противоречий вытекает из их объяснения в логике (1.2) – поиск *ошибки* в мышлении.

Кому не закрадывалось подозрение: а, может быть, источник противоречий в недостаточной строгости рассуждений? В двусмысленности слов? – Так думают многие философы со времен Сократа и Аристотеля (т.1, с.137, 143) и – соответственно – на века погружаются в бездну уточнения – определения разных смыслов.

В Новое время развитие алгебры и других формализаций надоумили на еще один способ уточнений: А что если мышление «формализовать»: заменить нечеткие слова **знаками** четко определенных понятий и правилами операций над знаками – алгоритмами? На рубеже XIX и XX веков некоторые математики во главе с Г. Фреге, Б. Расселом, Д. Гильбертом, Дж. Нейманом и др. воодушевились осуществить такую программу с помощью алгебраической логики. Они создали огромные трактаты по основам логики и математики, где нет почти ни единого слова, а идут одни знаковые выкладки.

Казалось, желанный идеал абсолютной теории, совершенно непротиворечивой, близок. Но тут-то в самых основах математики, в теории множеств, стали открываться равно доказуемые противоречащие друг другу суждения, так называемые “парадоксы” Г. Кантора, Ч. Бурали-Форти, Б. Рассела и др., как признавался О. Вейль, расшатывающие все её здание (1934, с. 92), а в 1931 году грянул последний предательский удар. Этими же средствами формализации один из этих же математиков К. Гедель – диагональным набором из элементов рядов полученных формул новых формул – доказал свою знаменитую теорему о неполноте всякой достаточно развитой формализованной системы: в ней всегда возможно сформулировать бесконечное множество утверждений, которые в ней “невыводимы”, то есть недоказуемы и непроверяемы, стало быть, включают и противоречащие друг другу. Отсюда следует лемма: если формализованная система непротиворечива, то она и неполна.

С тех пор уже и математики склонили голову перед противоречием, по сердитому выражению А. А. Френкеля и И. Бар-Хиллела, строят свои

системы “без всякой *уверенности*, что некоторые из этих тварей не засели внутри них” (с.26).

Для философии такой финал героического предприятия математиков не был внове.

Еще славный ученик Сократа, основатель идеологии киников (циников) Антисфен понял, что если об одном и том же **ИСТИНА одна**, то иные суждения ложны и, стало быть, *противоречия* между ними только **МНИМЫ**, а реально их нет. Но тем не менее любые суждения могут быть оспорены. Однако в таком случае у кого из спорщиков эта единственная истина? Как это узнать? – С этим, по Антисфену, ничего не поделать.

С тех пор античные скептики Пиррон, Карнеад, Секст Эмпирик и многие другие мучились в печальном сознании недоказуемости и относительности человеческого знания, его зависимости от различных условий и потому противоречивости.

В Новое время, за полтора столетия до математиков, к аналогичному неутешительному результату пришел И. Кант.

Кантианцы полагают, что в “аналитических” тавтологических суждениях, типа « $2 \times 2 = 4$ », «Все москвичи живут в Москве» – ученый следует логике; но в самой строгой теории из **антиномических** категорий систематически возникают неразрешимые противоречия, так называемые **антиномии**, два контрарные утверждения, которые отрицают одно другое, но у каждого из них аргументов “за” столько же, сколько и “против”; и в этих антиномических ситуациях ученому витязю на распутье не остается ничего иного, как подчиниться тихому голосу корысти или совести.

Таким образом, в антиномиях (“антитетике”) сама наука подчинена классовому интересу и морали. Но антиномичны, по Канту, самые важные вопросы “критического разума”, такие, как “Бог есть” и “бога нет”, “мир конечен” и “мир бесконечен”, “истина абсолютна” и “истина относительна”, “человек определен причинами” и “человек свободен” и т. д.

Поэтому в решении самых важных вопросов, – заключает философ, – науке нельзя доверять; тут можно “только верить”. Для Канта запрет противоречия оказывается предпосылкой веры в сверхъестественное.

Так как будто не удалось обрести спасение от противоречий посредством логического ужесточения рассуждений.

1.3.3. Наконец, самый сермяжный способ избавления от противоречий, к которому прибегают уже от отчаяния, – просто молчать о них, будто их не было и нет. Чаще всего так и поступают. Одна печаль – от такого страусиного закрывания глаз окаянные не исчезают.

Противоречия продолжают возбуждать бурные дискуссии.

Особенно остры разногласия о соотношении диалектики и логики. И прежде всего они волнуют, конечно, тех, кто хотел бы совместить и ту, и другую, и диалектику, и логику.

Но разве у человека две головы? Как же он может мыслить то по логике, то по диалектике?

В поиске разрешения этих раздоров возникло противоположное философское направление, – гегельянство.

1.4. Диалектика над логикой

Гегельянцы, наоборот, возводят противоречие в закон и мышления, и мира. Рассматривая указанную Кантом антиномичность, Гегель возмутился: Почему недостижимую непротиворечивость мы должны почитать за закон мышления, а его реальную вечную противоречивость – за иллюзию, требующую разрешения? – И предложил обратный выход: Не вернее ли поступить наоборот: реальную противоречивость признать законом (формой) мышления, а недостижимое избавление от противоречия – иллюзией?

Способ разрешения антиномий он положил в “синтезе антитезисов”. То, что обычно считают заблуждением – противоречие, он дерзко объявил *критерием истины* (т. 1, с. 139) а отсутствие противоречия – критерием заблуждения (Работы..., т.1, 1975, с.265).

Вот на каких основаниях он противопоставил диалектику логике.

Отвечая на вызов Зеноновых апорий, он бесстрашно воскресил формулу Гераклита (1.2), определив движение как противоречие: двигаться – значит быть здесь и не быть здесь одновременно (т. 2, с. 66, т. 5, с. 520 - 531, т.6, с. 241), – дразнящая демонстрация разрушения логики. Фейерверком таких намеренных противоречий усыпаны его писания: «Предел отношения величин – это то, в чем оно есть и не есть». (Соч., т.1, с. 339). «Строй государства столь же независим, сколь и зависим от его территории, числа жителей». (Т. 1, с.187). «Случайное не имеет основания, потому что оно случайно, и точно так же оно имеет основание, потому что оно случайно» (1970, т.2, с.191). «Трагический герой столь же виновен, сколь и невиновен». (Т. 14, с.359).

Все трудности по видимости «разрешаются» универсальным ключом противоречия. Встретился, к примеру, знаменитый Эвбулидов парадокс «Лжеца» о критянце, который утверждает, что *все* критяне – лжецы. Если он сказал правду, то как критянин солгал. А если солгал, то, значит, сказал правду. Так правду или ложь он говорит? Из любого заключения следует ему обратное – и получается нескончаемый кругооборот.

Но зачем ломать голову над семантическим анализом причин парадокса? Вот, пожалуйста, для диалектики ответ прост: критянин и лжет, и говорит правду (т. 10, с. 99).

Этот блестящий метод восторгал и К. Маркса - Ф.Энгельса (т.20, с. 123, 535, 580, т. 23, с.174), и их поклонников Г.В. Плеханова (т.3, с.81 - 85) и В.И. Ленина (т. 29, с.232).

В подражание своему кумиру они и сами при случае (*затруднения*) любили щегольнуть такими легкими парадоксами «И да, и нет»: мышление – и суверенно, и несуверенно (*К.Маркс - Ф.Энгельс*, т.20, с.88), капитал (“прибавочная стоимость”) рождается и в обращении, и вне обращения (в производстве) (т. 23, с.174). А за ними следуют и их современные эпигоны: сознание и материально, и нематериально; дифференциал $dx=0$ и $dx\neq 0$; электромагнитное излучение является и волной, и не волной (а частицей). И т.д.

Естественно, в русле такого мировоззрения противоположные стороны противоречия должны мыслиться существующими в одном и том же

отношении и смысле. Иначе, при допущении разных отношений, вообще не оказывается никакого противоречия, одни противоположности. Получается, логическое и диалектическое противоречия по форме ничем не различаются. На этом тождестве их формы у нас настойчиво настаивали М. М. Розенталь (1960, с.309, 314), Г. С. Батищев, Д. П. Горский (1966, с.130) и такой тонкий философ, как Э.В. Ильенков (1974, с. 243, 1979, с.129, 258).

Однако в таком случае, если форма логического и диалектического противоречия одинакова, то утверждающая их диалектика и отрицающая их логика несовместимы?

Гегель усиленно подчеркивал противоречие между диалектикой и логикой: «Два утверждения “S есть P” и “S не есть P” ... в одном и том же отношении относятся друг с другом отрицательно» (Т.1, 1970, с. 189, т.2, 1971, с. 67). Гегельянская дразнящая выставка намеренных алогизмов толкает к выводу, что его диалектика вообще отрицает логические законы. И в свою цветущую пору, 1920- 40-х годов большевизм *третировал* «так называемую формальную логику как метафизику». (Деборин А.М., 1929; Милюнов К., 1937, с. 57). Одно время в средней и высшей школе было даже прекращено её преподавание.

Правда, такой крайний вывод искажает гегелевскую позицию. Гегель признал логику в ограниченной области «конечного определения» (т.1, с. 47, т.6, с.27): в «эмпирическом мире конечных вещей» нужна определенность, приходится признавать свой дом существующим или не существующим, а если утверждать оба предиката, то в разных смыслах». (Т.1, с. 95, 134, т. 6, с. 96), то есть нарушения закона тождества.

Таким образом, оказывается, логика годится для обыденного мышления – «*рассудка*», но есть еще одно мышление, высшее – «*разум*». Учреждается двойственность познания, гносеологический дуализм – “две головы”. Диалектика не отбрасывает формальную логику и её законы, а «содержит в себе», «снимает», «но вместе с тем развивает дальше». (Т.1, 1974, с.94).

Аналогично и “*материалистические гегельянцы*” Маркс и Энгельс считают логику низшей ступенью, преодоленной диалектикой, не останавливаясь перед презрительными отзывами об «узком горизонте формальной логики» (т. 20, с. 138), годном разве что «для домашнего употребления» (с.550), повседневного обихода (с.528). Правда, в своей идеологической полемике, должно быть, ввиду её “узкого горизонта”, они не упускали случая язвить своих оппонентов за нелогичность (Т. 3, с. 261, т.4, с. 76, т. 20, с.50, т. 24, с. 217, 230, т. 32, с. 157, т. 34, с. 127 и т.д.)

Но даже если так, если диалектика есть нечто более развитое, чем логика, то где же *граница* между ними? Как их развести по разным областям? Пусть более широкой и узкой? Как их размежевать?

Первый большевик нашел было очевидное отличие: логическое противоречие существует *в мысли*, это противоречие «неправильного рассуждения», а «диалектическое противоречие» существует *в мире*, оно «реальное», «живой жизни» (Т. 17, с. 420, т.20, с. 154, т.30, с. 91). Но тогда выходит, логика в своем запрете диалектических противоречий **противоречит** этой самой «живой жизни», иначе говоря, **ошибочна** и должна быть от-

брошена, как и поступали философствующие большевики.

Однако откуда же этот логический запрет противоречий? Как тогда объяснить признание логики хотя бы в «узкой области»? Это уже так нелепо, что среди поклонников гениального марксиста стало находиться мало охотников поддерживать его находку, хотя изредка они все же встречались (например, *М. С. Бабаянц*, 1963, с. 15. 27).

Обычно между диалектикой и логикой стали пролагать по **движению**: логический запрет противоречий относится к моментам *покоя*, устойчивости вещей, где верна и «метафизика», а диалектическое противоречие – к *движению* (*Энгельс Ф.*, т.20, с.20 -21, 530; *Плеханов Г.В.*, с.81; *Варьяш А.*, 1928, с.3, 363; *Розенталь М.М.*, с.50; *Копнин П. В.*, с. 57- 58 и т. д.).

Кажется, все прекрасно. Получается даже, что хотя логика несколько поуже диалектики, но *не* противоречит ей.

Но для более пристального взгляда идиллия рассыпается. Применима ли тогда логика к **движению**? Выходит, нет. А если все признается текучим, то что же остается для логики? Малые промежутки времени, пока вещи не успевают существенно измениться? А в итоге ничего? Одно презрение? А торжествует диалектическое «И да, и нет»?

Однако если «да и нет» истинны, то мы возвращаемся к Гераклиту – Пармениду (1.2): *все правы*. Но если все правы, иначе говоря, *все истинно*, то истинно и противоположное утверждение, что «*все ложно*». Из противоречия следует всё, «*что угодно*» (1.2) – тривиальность. Покружив, мы вернулись к началу и ничего не решили.

А этот «диалектический» алогизм открывает дорогу в *мистику*. В неразрешимых противоречиях субъективного и объективного, добра и зла, конечного и бесконечного и прочих “трагических абсурдах” прозревают потрясающее чудо и мост между посюсторонним и *потусторонним*.

Такой путь к трансцендентальному прошли и Гегель, и Шеллинг, как позже Кьеркегор и Шопенгауэр, в XX веке – С. Н. Булгаков и П. А. Флоренский, или теологические диалектики К. Барт (*Barth K.*) и П. Тиллих, или экзистенциалисты Л. Шестов, Н. Бердяев, К. Ясперс. И даже неомарксисты М. Хоркхаймер, Ю. Хабермас, Т. Адорно в потрясении трагическими конфронтациями и парадоксами мира отвергли логику. Трудно не заметить родства таких умонастроений с культом абсурда в сюрреализме, антиатре и т. п. настроениях модернизма.

Как видим, и у поклонников диалектики проблема противоречия не находит удовлетворительного решения.

1.5. Непротиворечивая диалектика.

Может быть, решение в том, чтобы сделать диалектику логически непротиворечивой?

Такой проект первым воодушевил в эмпиристской Британии шотландского неогегельянца Дж. Мак-Таггарта (*J.E. McTaggart*, 1896). Защищая Гегеля от логической критики со стороны эмпиристского теиста Эн. Сета, он старательно логично переосмыслил спиритуализм Гегеля, избавив

его от логических противоречий, но... с ними – и от диалектики.

Конечно, не только монолектики усматривают в логическом противоречии абсурд и стремятся как-то от него избавиться (1.1-1.3). Такие настроения, бывает, проникают в души некоторых как будто диалектиков, иногда даже в марксизме. У нас эту тягу к точности обнаружили А.А. Богданов (1913, с.204- 205), И.Е. Орлов (1924), А.И. Варьяш (1928, с.369 - 370), В.И. Свидерский (1962), Д.П. Горский (1966, с.128), Ю.А. Петров (1967, 1977), И.С. Нарский (1969, с.27, 42- 45, 98) и многие др.

Они подключили к исследованию противоречий алгебраическую логику, семиотику, эвристику, теорию систем, даже из квантовой механики “принцип дополнительности” Н. Бора в соответствующей трактовке уточнения и примирения взаимоисключающих точек зрения, – чего только не перепробовали. (См. сборники: Логические исследования, М., 1959; Проблемы логики. М., 1963; Логическая структура научного знания. М., 1965; Логические проблемы исследования научного познания. М., 1980 и др.)

Как философы советские, лояльные к марксизму, они не могли не признавать диалектику, но стремились противоположности диалектического противоречия как-то развести в *разные* отношения и смыслы, на языке логики представить их не контрадикторными, а контрарными.

На их взгляд, диалектическое противоречие только в первоначальной форме выступает как “антиномия” и постановка проблемы, принимая форму логического противоречия, как в рассуждениях К. Маркса (т.26, ч.1, с.216) (*Батищев Г. С.*, с.99); но затем антиномия разрешается путем “уточнения смысла” тезиса и антитезиса и развода противоположности в разные отношения и смыслы (*Нарский И. С.*, с. 45): здесь и не-здесь, корпускула и волна, абсолютное и относительное, конечность и бесконечность, – все примеры предстают в логически непротиворечивой форме; таким образом, логическое противоречие исчезает, взаимоисключение диалектики и логики упраздняется – и не из-за чего ломать копыя.

Прекрасно. Диалектическое противоречие перестает быть логическим. Но тогда, если нет логического противоречия, то оказывается неизвестным, в чем же состоит, что же такое также и диалектическое противоречие – и диалектика исчезает. Ликвидация любого противоречия ликвидирует и диалектику. Достижение Дж. Мак-Таггарта в логическом уничтожении диалектики повторилось, да в ещё более явной форме.

В первую же политическую “оттепель” с 1956 года некоторые сторонники этого взгляда, например, польские философы К. Айдукевич и А. Шафф, дошли до такой дерзости, что откровенно заявили просто о несовместимости диалектического противоречия в его традиционной форме с логикой.

1.6. Логика абсурда.

А, может быть, наоборот, для согласия с диалектикой логику сделать противоречивой? Как-то ввести в неё противоречия или хотя бы ограничить в ней их запрет?

Ведь даже первый систематизатор логики Аристотель под давлением аргументов Гераклита вынужден был согласиться, что “изменчивость вещей” “дает некоторые основания” считать что-то существующим и не существующим (т. 1, с. 137, 283) и, стало быть, некоторые основания для ограничения логического закона непротиворечия.

Тем более воинственно наступали на логику такие ярые диалектики, как Гегель или Ф.Энгельс и их ученики (1.4), грезившие особой “диалектической” логикой или, как именовал её К. Ясперс, “философской” (*Jaspers K.*, 1958, р. 4) или, по Э. Фромму, “парадоксальной” (с.316).

В этом направлении, мне кажется, и пошли исследователи, строившие формализованные логики с противоречиями, хотя и не всеобщими, а ограниченными (“локализованными”).

Их пионером выступил в 1910 году в России казанский Лобачевский логики – Н.А. Васильев. Для мысли, - считал он, - «необходимо абсолютно различать истину и ложь», но в самих объектах могут быть основания для совпадения утверждения и отрицания (1988, с.59, 63); на этом основании, помимо их, он допускал суждения индифферентные и строил трехзначную логику с противоречиями и без закона непротиворечия.

В Польше подобную неаристотелевскую многозначную систему изобретал позитивист Я. Лукасевич. Сегодня их развивают в Латинской Америке Н. да Коста (1958), А. И. Арруда (1970 гг.) и др.

Такие противоречивые логические системы, из которых, однако, не следует все, что угодно (1.2) (“нетривиальные”) именуют по Ф. М. Квасада (Перу, 1976) “паранепротиворечивыми”. Часто они выступают с претензиями на формализацию диалектики (*Да Коста Н.*, 1982, с.123), что и возбуждает энтузиазм тех, кто надеется совместить диалектику с логикой.

Иногда такие надежды возлагают также на “релевантные логики” (уместные, учитывающие в импликации общность информационного содержания посылки и заключения). Их создают Н. Е. Орлов (1928), А. Аккерман, А. П. Андерсон, Н. Д. Белнап, Н. Д. Гудмен, В. А. Смирнов и др.

1.7. Диалектическая логика

Но обычно в качестве разрешения противостояния диалектики и логики как спиритуалист Гегель, так и материалист Энгельс выставляют особую логику – “диалектическую” (*Гегель*, т.5, с.28, 32, 39, т. 6, с. 27 и др., *Энгельс*, т. 20, с. 538), чьим ограниченным частным случаем объявляется обычная логика, “формальная” (т.20, с.138).

Хотя К. Маркс никогда такого термина не употреблял, говоря только о диалектике, тем не менее эту идею марксисты подхватили (*Плеханов Г.В.*,

т.3, с.81; Ленин В.И., т. 42, с. 290 – 291; Асмус В. Ф., 1924, с.57; Сарабьянов В.Н., 1925, с.28 -30; Варьяш А., 1928, с. 24. 363; Деборин А. М., 1930, с.XVI, XIX; Копнин П., 1961, с. 86; Розенталь М.М., с.83; Горский Д.П., 1962, с.5; Кедров Б. М., 1962, с. 63; Ильенков Э.В., 1974, 1984 и мн. мн. др. Кто только не толковал о ней.

В начале 1950-х гг. в связи с возвращением преподавания логики в школу развернулась специальная дискуссия о соотношении формальной и диалектической логики («Вопросы философии», 1950-1951 гг.). В университетах стали открывать специальные кафедры «диалектической логики», правда, не зная, что же конкретно в ней преподавать.

В итоге вопрос о ней вынесли на VIII Всесоюзную конференцию «Логика и методология науки» (Паланга, 1982 // «Философские науки», 1984, № 3). Однако все усилия были тщетны. Не удалось однозначно установить даже, что это за особая логика такая, в чем её отличия или хотя бы каков её предмет.

Какие чаще всего указываются отличия диалектической логики от обычной?

Диалектическая логика, – говорят, – отражает не устойчивость и определенность вещей, а их изменение - движение в его противоречивости. (Розенталь М.М., с. 50; Мальцев В.А., 1964, с.16) Но это просто диалектика.

Другое предлагаемое отличие: диалектическая логика содержательна, «единство формы и содержания» (Гегель, т.1, с.52, т. 5, с.12-14, 20-21; К. Маркс, т. 23, с.31; Розенталь М.М., с.83 и др.).

Эпитет «содержательная» означает, что она анализирует понятия о самом мире. Но тогда это не логика, которая изучает не мир, но формы мышления, а философская онтология или вообще наука о мире.

Вот почему многие её адепты видят в ней просто синоним диалектики, следовательно, применительно к марксизму – его онтологию («объективную диалектику»), короче, «диалектический материализм» (Ленин В. И., т. 29, с. 301, 321; Варьяш А., 1928, с. 24; Деборин А.М., 1929, с.XIX; Алексеев Н.М., Мальцев В.И., Черкесов В.И., 1966, с.289 -290). Или только гносеологию, - если исключают в марксистской диалектике онтологию. (Розенталь М.М., с.80-81, 91-93; Ильенков Э.В., с.5.) Но в таком случае, что нового несет это словосочетание «диалектическая логика»? Когда ничего не находят, то вообще отрицают её существование. (Бакрадзе К.С., 1951, с. 79.)

Иногда отличие предполагают в том, что диалектическая логика исследует не правильность мышления, а истинность.

Но что за противопоставление? Правильность умозаключений является правильностью только потому, что ведет их к истине. Логика исследует правильные формы мышления, а исследование как его правильности, так и истинности – предмет гносеологии.

Встречаются, однако, такие авторы, которые предполагают за «диа-

лектической логикой» некие особые диалектические формы – структуры мышления (Энгельс Ф., т.20, с. 538; Войшвилло Е.К., 1960, с. 47). Но что это за формы? Неизвестно.

Иногда, впрочем, появляются изобретатели особых форм диалектической логики, приемов, методов мышления – и не только среди логиков, о которых мы говорили, но и среди марксистских философов. Провозглашается, например, «закон конкретного тождества»: «А есть А и не-А»; «закон диалектического противоречия» («единства и борьбы противоположностей») (Зиновьев А.А., 1954; Гортари де Э., 1959, с.332; Жоза А., 1964, с.135-136; Астафьев В.К., 1968, с.56, 204), даже «закон включенного третьего» (Кедров Б. М., 1962, с.180) и т.п. Даже мечтают об их формализации (Петров Ю.А., 1977, с.107- 111), так и не осуществленной – ввиду их содержательности.

И все это не выводит нас за пределы ординарной «диалектики».

Из всех указываемых отличий, пожалуй, наиболее серьезное – *генетизм*: диалектическая логика занимается не готовыми понятиями и суждениями, а их **развитием**; в частности, видит истину не результатом, а **процессом**; соответственно, свою задачу – «историческое развитие человеческого мышления». (Гегель, т. 5, с.4, 12-14, 21, 35; Энгельс Ф. т. 20, с.366-367, 555; Горский Д.П., 1958, с.8; Войшвилло Е.К., 1960, 20; Мальцев В. И., 1964, с.16, 20 и др.)

Это не может не вызывать одобрения, по крайней мере, у меня. Но что имеется в виду? Происхождение, связь и субординация логических форм и фундаментальных понятий (Энгельс Ф., т.20, с.538) – **категорий**, таких как отдельное и общее, материя, пространство, время, движение, количество, причина, доказательство и т.п. Прекрасная цель и со времен Демокрита и Аристотеля мыслители веков немало здесь открыли, несмотря на то, что в их анализе, разумеется, немало и абстрактных фантазий. Прекрасная программа – генетическая гносеология в единстве с онтологией. Но причем же здесь логика? Это обыкновенная философия. Зачем же её переименовывать?

Существует и более конкретная версия: диалектическая логика – это «история науки и техники». (Кедров Б.М., 1969, с.10; Ильенков Э. В., 1974, с. 129). Такая дисциплина прекрасно и полезна, в частности, методологически. Но и она давно существует и в философии, и в эпистемологии, и в социологии, и как ветви соответствующих специальных наук: физики, химии, биологии, и т.д. Однако разве это логики?

Глубже другая идея. Э.В. Ильенков и В.С. Швырев (1995, №1, с.156) совершенно верно обращают внимание, что в истории познания между разными мнениями и теориями постоянно возникают противоречия; их-то они и величают «диалектическими» и полагают предметом диалектической логики. Эта идея стала популярной в западном неомарксизме (1.1), где

(правда, не “диалектическая логика”, а просто) диалектика стала признаваться как раз в человеческой жизнедеятельности и в познании, в производстве, истории, искусстве и науке, но не в *природе*.

Верно ли такое заключение?

По-моему, не вполне. Противоречия между разными мнениями и теориями существуют вовсе не в *одном* каком-то совокупном мышлении, а между мышлениями разных людей, как их разногласия между ними – и в них нет никакой диалектической *апологии* противоречия. Участники исторического процесса вовсе не возводят противоречия в диалектическую добродетель, а, наоборот, считают их непростительным пороком, ревниво обличают за них друг друга и всеми силами стремятся их преодолеть, притом согласно требованиям не особой “диалектической логики”, а самой обыкновенной формальной логики.

Что касается “противоречий” *общественных*, то упор на противоречия есть преимущественно метафора. *Разлады* и *раздоры* между людьми: конкуренция, соперничество и вражда вплоть до насилия и войн, – разумеется, проходят через мышление и, стало быть, логику, но их объективные причины – разные интересы и их проявления – действия вполне вещественны и не входят в предмет логики, а относятся к экзистенциальной диалектике – бытия людей. Здесь, в нецеситной антропологии – аксиологии – экономике – социологии их и нужно исследовать.

С И. Канта общепризнано его наблюдение: любая категория становится средством – формой мышления (т. 3, с.211, 214). Соответственно систему категорий – не формальную, а содержательную – он в некоторых случаях именовал «трансцендентальной логикой» (с.173), а синтез, «примирение» антиномических категорий – уже диалектикой в своем особом смысле. По существу, Кант здесь выявляет методологическую функцию знания в познании.

В развитие кантовской идеи П.В. Копнин обобщает: любой закон природы, будучи познанным, служит формой познания (1961, с.28) – и заключает отсюда: «диалектическая логика» есть применение диалектики к изучению мышления (с.86 -87).

Нельзя не согласиться с тем, что знание служит дальнейшему познанию, но не с выводом из этого. Методология – не логика. В любой науке: физике, биологии и т. д. их категории и законы служат средствами дальнейшего познания. Но разве физика или биология – это логика?

В финале тщетной погони за этим ускользящим призраком многие его бывшие искатели приходят к грустному выводу: никакой «диалектической логики» нет и таковая невозможна. (Напр., В.Н. Садовский, В.А. Смирнов, 1995, № 1, с.144, 151). И с ними приходится согласиться.

Два столетия бесплодных усилий.

Насколько проницательнее были русские основоположники экзи-

стенциализма Н.А. Бердяев (1916, 1989, с. 287) и И.А. Ильин (1918, 1990, с.115), которые еще в начале XX века разглядели за видимой рассудочностью как гегелевской, так и марксистской «диалектики» скрытый иррационализм – интуитивизм, который **НЕ понимает** себя.

Правда, в их устах это была не критика, а, наоборот, хвала их «великой заслуги» – «разрыва с формальной логикой» (Н.А. Бердяев) и провозглашение задачи не борьбы с противоречиями и за их преодоление, а их отыскание и «пребывание» в них. (И.А. Ильин, с. 112- 113).

И еще последовательнее и откровеннее их западные ученики, такие «диалектики», как Ж.П. Сартр (4.6.3) или М. Хоркхаймер и Т. Адорно (S.140 -146), которые тоже оставили как безнадежные гегелевские и марксистские затеи с особой «диалектической логикой» и открыто и гордо объявляют свою «диалектику» *иррациональной*, приглашая нас жить в парадоксах и абсурдах мира.

Однако хорошо пустомелям честно отказываться от разума. А как марксистской *партии* с её претензией на *руководство обществом* провозгласить свою философию, а, значит, себя “пребывающей в абсурдах мира”? Ай да, неомарксисты! Ничего себе альтернатива для коммунистов. Ничего себе предводитель общества – слепой поводырь. Это все равно, что признаться: «Я запутался в противоречиях и ничего вокруг не понимаю». Да кто за таким вождем пойдет? Да он же заведет как раз в яму. И неминуемо. А всем хочется жить и преуспевать. Никто не пойдет.

С такой философией надо отказаться от власти, от правительственных апартаментов и роскоши и жить скромно бедняком, зато вольным думать и говорить, что угодно. Точно «диалектик» Сократ, который бесил оппонентов, запутывая их в противоречиях под свою издевательскую присказку «Я знаю [хотя бы то – Л. Б.], что ничего не знаю».

Ох, и как же все вожаки всех времен и народов не любят таких вредных умников – диссидентов.

1.8. Заключение введения (2016 г.)

Таков круг оставленных нам проблем диалектики и их выходы в реальность – от материальной практики до науки и идеологии.

Исходное основоположение Гегеля: непротиворечивость мышления *недостижима* (1.4), как и его вызывающе дикий вывод отсюда своей злой “диалектики”: логическое противоречие есть якобы закон мышления и критерий истины, – некорректны.

Наша “обреченность на противоречия” есть одностороннее *преувеличение*. На самом деле, во взаимодействии человека с миром борются **два исхода**: да, наши усилия не всегда приносят нам успех и благо, но часто противное нашим ожиданиям и нашей необходимости – непонятное и заблуждения, поэтому неудачи и страдания, а то и гибель. Но если бы так пе-

чально было исключительно *всегда*, род человеческий давно бы исчез.

Но наши страдания от античеловеческого мрака и зла как раз и **принуждают** людей стремиться к преодолению и пока **преодолевать** эти противоречия понимания, алогизмы – путем расщепления и уточнения понятий и **разрешения** противоречий, чтобы выжить и преуспеть.

Каким же надо быть несчастным слепцом или самодовольным циником, чтобы иррациональный негатив в познании и в практике выставлять в качестве истины и позитива. Как же тогда люди еще живы?

Величайшим заблуждением “левых” младогегельянцев - материалистов, включая Маркса и Энгельса, было воображать, будто “метод” Гегеля, его квазидиалектика “противоречит” его концепции (будто бы “системе”) ≡ его “*идеализму*” и включать эту предательскую змею в самое сердце своего материализма, отравляя его изнутри.

Как раз наоборот. Гегелевская *апология противоречия*, возведение его в “диалектическое” **служит** его “идеализму”, безотказным “методом” будто бы глубокомыслия, а на деле примитивной софистики и мракобесия.

Именно эта змея отравляла марксистскую социальную концепцию “революции”, “пролетарской” диктатуры и бюрократического “коммунизма” и обернулась потрясающей трагедией истории.

Именно в этом состоит актуальность критики этой якобы материалистической *диалектоики*, где **не** отличают даже “*утверждения*” (A_2), его “*отрицания*” $\neg A_2$ и “*противоречия*” ($A_2 \wedge \neg A_2$), которое по невниманию приключается **в мысли**, от изменения **объекта** A_1 в однородное иное, анти-объект Z_1 и от их **противоединства** ($A_1 \wedge Z_1$), которое происходит **в мире**.

Вот этой-то слепой *диалектоики* пока и не могут преодолеть “нео-марксисты”, должно быть, под довлением над их жизнью современной объективной социальной иррациональности, которая и доводит лучших из них до самоубийственного отчаяния.

Только драматический оптимизм вдохновляет на труд открытия диалектики природы, общества и познания, не *идеоморфной* (1.1), куцей и антилогичной, а реальной, полной и научной ³.

* *
*
* *

³ См. её фрагменты в книге: *Леонард И. Браев. Связи розей. К системе онтологических категорий.* Изд. «Диалог», 2011; разделы 5.6 -8, 8.1, 8.5 - 8.13, 23.17, 25.2, 26.5, 26.12, 26.24 и др. ISBN 978-5-9902114-6-9

